

УДК 342.41 (470)

В. В. Киреев, Б. М. Щипачев

КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЦЕННОСТИ И РИСКИ

V. V. Kireev, B. M. Shipachev

CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA: VALUES AND RISKS

В статье рассматриваются особенности конституционного развития России в современный период реформирования международных отношений, проблемы адаптации зарубежных конституционных моделей к российской действительности, характеризуется ценностный подход к содержанию Конституции Российской Федерации, производится анализ последствий восприятия Россией конституционных ценностей зарубежных государств, ценностных конституционных ориентиров и расставления современных политико-правовых акцентов, исследуются риски, связанные с современным этапом реализации конституционных ценностей, эффективностью выполнения Конституцией Российской Федерации внешнеполитической и идеологической функций.

Ключевые слова: конституционное развитие России, реформирование международных отношений, конституционные ценности, конституционные риски, углубление ценностных коллизий, интеграция и взаимосвязь конституционных ценностей, внешнеполитическая функция Конституции Российской Федерации, идеологическая функция Конституции Российской Федерации.

The article dwells on peculiarities of constitutional development of Russia in the modern period of reformatting international relationships, as well as the problems of adaptation of foreign constitutional models to the Russian reality. The author characterizes the value approach to the content of the Constitution of the Russian Federation and analyzes the aftermaths of Russian perception of constitutional values, outstanding features, and modern political and legal focuses of foreign states. The article also considers the risks connected with modern stage of implementation of constitutional values, efficiency of performance of foreign and ideological functions by the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Russian constitutional development, reformatting international relationships, constitutional values, constitutional risks, deepening of value collisions, integration and interconnection of constitutional values, foreign and ideological functions by the Constitution of the Russian Federation.

Сегодня мировое сообщество переживает особую ситуацию, связанную с девальвацией тех правовых принципов, которые являются основой глобальной стабильности. Попытки ослабления России со стороны США и их союзников, развившиеся в дестабилизации Украины, использовании угрожающей риторики, методов информационной войны, экономических, политических и иных санкций, генерируют значительное количество рисков, в число которых с полным основанием можно включить и конституционные риски.

В существующих условиях особенно ясно виден тот разлом, который, почти

ежедневно углубляясь, разделяет Россию и страны Запада, провозгласившие себя неким эталоном демократии. Представляется, что сущность этого разделения заключается как в явных, так и в латентных ценностных коллизиях. Причем речь идет прежде всего о перечне, содержании и реализации в современной международной политике тех ценностей, которые закреплены в Конституции Российской Федерации и выступают ориентиром развития России XXI века.

Сложившаяся ситуация прежде всего предполагает обращение к наиболее фундаментальным устоям, выражающим аксиологические подходы как нашего

21

Конституция,
государство и общество

общества, так и Российского государства. В. Н. Жуков обоснованно утверждает, что действительность предстает людям посредством ценностей и в форме ценностей, человек познает и осваивает предметный мир как мир ценностей. В этом случае ценности определяют понимание людьми тех или иных вещей, задают угол зрения, под которым осмысливается мир. Иначе говоря, ценности есть своего рода путь, способ обретения человеком смысла. Так, государство и право есть объективно существующие эмпирические феномены, независимо от того, какой смысл вкладывают в них отдельные индивиды, социальные группы или общество в целом [4, с. 23]. Бесспорно, что основой нашей Конституции являются определенные ценности, причем их перечень весьма широк. Н. С. Бондарь обоснованно полагает, что отражаемые в Конституции социальные ценности представляют собой качественные характеристики государственно-правовых явлений высшего порядка, связанные с осознанием обществом — через призму общедемократического опыта и национально-исторической практики — идей человеческого достоинства, добра и справедливости, фундаментальных целей и норм развития, наиболее целесообразных форм общественного и государственного устройства. Посредством конституционного закрепления они трансформируются в конституционные идеи-принципы и обретают формально-юридическую нормативность, а в результате их восприятия отдельными индивидами, социальными группами, обществом в целом становятся элементом их конституционного правосознания, демократической культуры [2, с. 3]. Однако известно, что эти ценности были внедрены в Основной Закон посредством восприятия ряда положений конституций различных зарубежных государств. Попытки такого восприятия имеют давние исторические корни. В России уже в 1905 году отдельные авторы обратились к американскому и европейскому опыту конституционализма. В сравнительно-правовых исследованиях прямо, а чаще всего косвенно, выводились определенные «рецепты», «модели», «комбинации» реконструирования государственного строя в стране [7, с. 154]. Что касается действующей Конституции Российской Федерации, то решение было найдено в комбинированном варианте конституционных преобразований, смысл которого состоял в рецепции конституционных норм, казавшихся авторам наиболее адекватными российской ситуации.

Конституция включает элементы из конституций разных стран, распределенных по всем ее разделам: на трактовку прав человека оказали воздействие международные и европейские хартии по правам человека и конституции четвертого поколения; на формирование модели асимметричного федерализма — конституции Испании и Бельгии, а отчасти, возможно, Индии. Традиционное влияние германского конституционализма отразилось на общей трактовке федерализма, концепции формирования верхней палаты. Под влиянием Конституции США была введена процедура отрешения Президента от должности и механизм внесения поправок в Конституцию [6, с. 163]. При этом зарубежными исследователями не только отмечалась необходимость всесторонней оценки возможности адаптации использованных моделей к российской действительности [11, с. 20], но и выражалась, по отношению к этому, известная доля скептицизма [10, с. 17—20]. В отечественной конституционно-правовой литературе отмечались как не критическое перенесение в Конституцию некоторых формулировок, не имеющих достаточной почвы в российском обществе [9, с. 6], так и сложность использования универсальной модели, сложившейся на Западе [5, с. 3]. Справедливость приведенных выше выводов трудно оспорить. Однако следует отметить, что определенная адаптация зарубежных конституционных моделей к российской действительности уже произошла, но в нашей, сугубо российской трактовке. За двадцать лет действия Конституции Российской Федерации 1993 г. пока еще тонкая ткань отечественного конституционализма неоднократно подвергалась многократным перегрузкам, сопутствующим борьбе с олигархами, росту бюрократизма и коррупции, обострению взаимоотношений между гражданским обществом и государством в период выборов в Государственную Думу VI созыва, Президента Российской Федерации и после их проведения. Применяя финансовые, административные и другие рычаги, Российское государство выстроило своеобразную крепость. Крепость «суверенной государственности России», если пользоваться терминологией преамбулы действующей Конституции Российской Федерации. В сложившейся ситуации имеются как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным можно отнести существование дееспособной и прочной государственной основы выражения и отстаивания позиций России на международной арене,

достаточно эффективной в защите государственного суверенитета, поиске форм и способов воздействия на зарубежных партнеров в целях реализации наших национальных интересов. К отрицательным сторонам можно отнести непреодоленное недоверие между обществом и государством во внутривластительской сфере, коррупцию, существование коллизий между народным суверенитетом и государственным суверенитетом, стагнацию политической системы общества, несмотря на законодательные новеллы, послужившие катализатором партийного строительства, определенное противопоставление государственных служащих и остальных граждан России. Однако нам удалось не только удержаться в конституционном поле, но и, в известной степени, сформировать конституционное сознание граждан, их представление об основополагающих конституционных ценностях.

Однако главное сегодня не это. Можно предположить, что сегодня мы переходим к новому этапу конституционного развития России, для которого свойственны новые конституционные риски, связанные с расставлением ценностных конституционных приоритетов и углублением ценностных коллизий между Россией и странами Запада. Переход к этому этапу был обусловлен изменившейся конфигурацией международных отношений, связанной с событиями на Украине, а также той негативной и прямо скажем недружественной по отношению к России ролью, которую сыграли США и Европейский Союз в этом процессе. Причем, воспринятые Конституцией Российской Федерации западные демократические ценности идут вразрез с действиями западных партнеров. Как можно убедить гражданина России в том, что человек, его права и свободы являются высшей конституционной ценностью в условиях, когда «демократические» носители власти Украины при полном попустительстве и поддержке западных стран, выдающих себя за эталон демократии, уничтожают мирных жителей украинского юго-востока? О какой западной демократии и европейских ценностях можно говорить в ситуации, когда легитимность существующей власти на Украине вызывает глубочайшие и обоснованные сомнения, когда произошел развал украинской государственности под бурные аплодисменты западных политиков, когда не воля украинского народа, а геополитические интересы западных государств являются основополагающими для определения векторов ее внутренней и внешней политики? Как объяснить гражданину Российской

Федерации ценность конституционной свободы экономической деятельности в условиях применения к России США и их сателлитами экономических санкций? О какой свободе слова можно рассуждать в условиях, когда зарубежные СМИ стоят в едином пропагандистском строю, вливая в сознание граждан «просвещенных демократических государств» искаженную информацию, призванную формировать негативный образ России? О существовании каких общепризнанных принципов и норм международного права можно говорить в ситуации, когда они многократно и корыстно нарушаются теми западными государствами, которые призывают Россию к их соблюдению? Перечень вопросов, связанных с ценностным содержанием нашей Конституции и девальвацией этих ценностей не только на международном уровне, но и в сознании граждан России, можно было бы многократно продолжить. Сегодня со стороны западных государств риторика, связанная с европейскими ценностями, является лишь идеологическим прикрытием действий, направленных на ослабление России. Не боясь ошибиться, можно предположить, что это прекрасно осознает подавляющее большинство граждан нашей страны.

Но что делать с нашими конституционными ценностями? Означает ли это, что мы должны отказаться от них или пренебрегать ими в той же степени, как и Европейский Союз и стоящие за их спиной США? Нет! Мы уже получили уроки украинского майдана и хорошо их усвоили. Конституционные ценности не прощают пренебрежения и антиконституционные действия влекут не только возникновение нелегитимной власти, но и распад экономики, социальной сферы, распространение экстремистской идеологии и другие неблагоприятные последствия, они разрушают государство, погружают общество в хаос, обостряют противоречия между различными национальными, религиозными и другими социальными группами. Как быть с определением современных ценностных приоритетов? Обеспечение баланса конституционных ценностей в сложившихся условиях превращается в актуальную и непростую задачу, требует расставления соответствующих политико-правовых акцентов. Так, на встрече в Ялте с членами фракций политических партий в Государственной Думе Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил необходимость обеспечения высокого качества госуправления, работы политических и гражданских институтов, укрепления традиционных

ценностей, консолидации и мобилизации не для войн или каких-то конфликтов, не для противостояния с кем бы то ни было, а для упорного труда во имя России и для России [3]. В выступлении на заседании Совета Безопасности 22 июля 2014 года Президент Российской Федерации в качестве одной из важных задач определил защиту конституционного строя, обеспечение верховенства Конституции, единства экономического и правового пространства, незыблемости определенных Конституцией федеральных стандартов, обеспечения равных прав и возможностей для всех россиян, как основы демократического строя, недопустимость нарушения закона и попрания прав граждан, неукоснительного соблюдения данных Конституцией принципов [8].

Как ценностно-ориентационное содержание, так и своевременность указанных заявлений Президента Российской Федерации, предостерегающих от попыток девальвировать закрепленные в Конституции Российской Федерации ценности, являются бесспорными. Дело в том, что в условиях меняющейся системы международных отношений существует риск преобладания тех конституционных ценностей современной России, которые охватывают государственно-властные аспекты, и прежде всего государственный суверенитет. Иными словами, в условиях, когда Россия подвергается явно недружественным действиям со стороны государств Запада, может возникнуть соблазн перехода к, если можно так выразиться, мобилизационному конституционализму, когда другие, не связанные с государственным суверенитетом конституционные ценности могут рассматриваться как второстепенные, которыми можно пренебречь в условиях сложившегося противостояния.

Конечно, России не следует переходить к мобилизационному конституционализму. Только отношение к конституционным ценностям как единому комплексу, их интеграция и взаимосвязь могут обеспечить устойчивое развитие нашей страны, ее способность противостоять глобальным вызовам. В процессе принятия непростых государственно-властных решений отношение к человеку, его правам и свободам как высшей ценности не должно подменяться иными, текущими и конъюнктурно-политическими приоритетами.

Это, однако, не означает, что необходимо предать забвению такую конституционную ценность, как суверенитет Российской Федерации. Более того, кон-

ституционная модель государственного суверенитета, его выражение во взаимоотношениях с иными государствами и международными организациями нуждается в развитии, исходя из сложившихся непростых международных реалий. Этому может способствовать развитие внешнеполитической функции Конституции Российской Федерации. Как обоснованно отмечает С. А. Авакьян, внешнеполитическая функция конституции состоит в том, что основной закон не только обращен к внутренней жизни страны, но и одновременно является фундаментом внешнеполитической деятельности государства... Кроме того, внешнеполитическая функция Конституции нашей страны состоит также в том, что она за пределами государства является важным информационным источником. Конституция дает представления людям других стран, а также государствам и международным организациям о нашем общественно-политическом строе, структуре государства, взаимоотношениях центра и субъектов РФ, конституционных основах региональной и национальной политики, статусе личности в России и т. д. [1, с. 164—165]. Конечно, Конституция Российской Федерации является фундаментом внешнеполитической деятельности нашей страны. Однако следует признать, что конституционные положения, закрепляющие основы внешнеполитической деятельности Российской Федерации, являются не только безликими, но и могут являться источником рисков, связанных с добровольно принятыми на себя Россией ограничениями суверенитета. Так, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью ее правовой системы. В условиях недобросовестного использования странами Запада общепризнанных принципов и норм международного права (сами попытки установления глобальной гегемонии США и их союзников посредством применения данных принципов ставит под сомнение понятие «общепризнанные») следует задуматься над степенью открытости нашей правовой системы. В целом сегодня Россия нуждается в международном позиционировании себя как одного из глобальных центров, строящих внешнюю политику на основе справедливого и взаимовыгодного сотрудничества, признания и реализации в текущей политике международных ценностей с учетом особенностей исторического развития, транспарентности, уважения суверенитета других государств.

Исторически необходимым представляется вынесение Россией на международную арену концепции справедливого глобального конституционализма, или «справедливого конституционализма для всех», что может найти поддержку среди широкого круга государств. Способствовать этому могло бы закрепление в Конституции Российской Федерации основ международной политики России, выражающих не только основные направления этой деятельности, но и их взаимосвязь с государственным суверенитетом и национальной безопасностью.

В процессе осуществления международной деятельности серьезным является и риск, связанный с деидеологизацией Российского государства. Так, в ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации указано, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Но как быть с выражением Российской

Федерацией ее идеологических позиций на международной арене? Может ли единая идеологическая позиция Российского государства быть представлена в отношениях с другими государствами и международными организациями? Думается, что наше государство в международных отношениях является носителем и выразителем определенной идеологии. Причем именно последний период обострения отношений с США и их союзниками, принципиальная позиция России по многим международным вопросам, в том числе в условиях объявленной России информационной войны, основывается на ясно выраженных идеологических позициях. Для участия в современных международных отношениях государственная идеология необходима. В связи с этим стоит задуматься над эффективностью выполнения Конституцией Российской Федерации идеологической функции.

References

1. Avak'yan S.A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii*. V 2 t. T. 1 [Russian Constitutional Law. In 2 Volumes. Volume 1]. Moscow. Norma Publ.: Infra-M Publ., 2010. 864 p.
2. Bondar' N.S. *Konstitutsionnye tsennosti — kategoriya deistvuyushchego prava (v kontekste praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossii)* [Constitutional Values – Category of the Law in Force (in the Context of Practice of Constitutional Court of Russia)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2009, No.6(12), p. 1-11.
3. The meeting of V.V. Putin with members of fraction of political parties in the State Duma. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46451>.
4. Zhukov V.N. *Vvedenie v yuridicheskuyu aksiologiyu (voprosy metodologii)* [Introduction in Legal Axiology (Issues of Methodology)]. *Gosudarstvo i pravo*, 2009, No. 6, p. 20-31.
5. Martyshin O.V. *Neskol'ko tezisev o perspektivakh pravovogo gosudarstva v Rossii* [Certain Head-Notes on Perspectives of Legal State in Russia]. *Gosudarstvo i pravo*, 1996, No. 5, p. 22-23.
6. Medushevskii A. *Rossiiskaya model' konstitutsionnykh preobrazovaniy v sravnitel'noi perspective* [Russian Model of Constitutional Amendments in Comparative Perspective]. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeiskoe obozrenie*, 2003, No. 2(43).
7. Mityukov M.A. *K predystorii konstitutsionnogo pravosudiya v Rossii* [To the Prehistory of Constitutional Justice in Russia]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2001, No. 1, p. 152-162.
8. Putin V.V. *Vstupitel'noe slovo na zasedanii Soveta Bezopasnosti 22 iyulya 2014 goda* [Opening Statement on the Meeting of the Security Council as of June 22, 2014]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46305>.
9. Chirkin V.E. *Rossiiskaya Konstitutsiya i mezhdunarodnyi opyt* [Russian Constitution and International Experience]. *Gosudarstvo i pravo*, 1998, No. 12, p. 5-14.
10. Kholms S. *Mozhet li inostrannaya pomoshch' sposobstvovat' razvitiyu pravovogo gosudarstva?* [Is the Foreign Assistance Able to Contribute to the Development of Legal State?] *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeiskoe obozrenie*, 2000, No. 1, p. 14-20.
11. Sharlet R. *Pravovye transplantatsii i politicheskie mutatsii: retseptsiya konstitutsionnogo prava v Rossii i v novykh nezavisimykh gosudarstvakh* [Legal Transplantations and Political Mutations: Reception of the Constitutional Law in Russia and New Independent States]. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeiskoe obozrenie*, 1999, No. 2(27).

КИРЕЕВ Валерий Витальевич, доктор юридических наук, профессор кафедры права Троицкого филиала ЧелГУ; профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета, Южно-Уральский государственный университет. 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76; . E-mail: kireevvv@is74.ru

KIREEV Valery Vitalievich, PhD Law, professor of the Department of law Troitsk branch of Chelyabinsk State University professor of the Department of the Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law of the South Ural State University (national research university. 454080, Russia, Chelyabinsk, Lenina Av., 76; . E-mail: kireevvv@is74.ru

ЩИПАЧЕВ Борис Михайлович, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета, Южно-Уральский государственный университет. Заслуженный юрист Российской Федерации: 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. E-mail: kiap@susu.ac.ru

SHIPACHEV Boris Mikhailovich, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law, the Honoured Lawyer of the Russian Federation, South Ural State University, 76, Lenin Av., 454080, Chelyabinsk, Russia. E-mail: kiap@susu.ac.ru

For citation: **V. V. Kireev, B. M. Shipachev**. Constitutional development of modern Russia: values and risks
Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 3 (46). 2014. pp. 21–26.

